

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ксения Алексеевна БАЛАНДИНА

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
Москва, Россия
ks0_bal5@mail.ru

Научный руководитель: заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент **Светлана Сергеевна КРИПИНЕВИЧ**, s.kripinevich@yandex.ru.

Аннотация. В работе освещаются некоторые актуальные проблемы института следственных действий в уголовном процессе. Указывается терминологические неточности формулировок, используемых в действующем уголовно-процессуальном законе, что не в полной мере соответствует сути института следственных действий, на зауженное понимание субъектов, которые не могут быть привлечены к участию в деле в качестве понятых, а также обосновывается необходимость внесения изменений в ч. 1 ст. 7 УПК РФ. Работа подчеркивает важность реформирования данных аспектов для повышения эффективности и правовой определенности исследуемого института.

Ключевые слова: следственные действия, понятые, лица, которые не вправе быть понятыми, безусловный приоритет УПК РФ.

ABOUT SOME PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Ksenia A. BALANDINA

Russian State University of Justice
ks0_bal5@mail.ru

Scientific advisor – Deputy Head of the N.V. Radutnaya Department of Criminal Procedure Law at the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Candidate of Science (Law), Associate Professor **S.S. Kripinevich**, s.kripinevich@yandex.ru.

Abstract. The paper highlights some of the current problems of the institution of investigative actions in the criminal process. It points out the terminological inaccuracies in the formulations used in the current criminal procedure law, which do not fully correspond to the essence of the institution of investigative actions, the narrow understanding of the subjects who cannot be involved in the case as witnesses, and the need to amend Part 1 of Article 7 of the Criminal Procedure Code of the Russian Fed-

eration. The paper emphasizes the importance of reforming these aspects to improve the efficiency and legal certainty of the institution under study.

Keywords: investigation actions, witnesses, persons who are not authorized to be witnesses, the unconditional priority of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

В первую очередь стоит начать с того, что в ст. 5 УПК РФ не приводится определения следственных действий: там говорится лишь, что процессуальное действие – следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ. Из этого можно сделать вывод, что понятия «следственное действие» и «процессуальное действие» соотносятся как вид и род.

В уголовно-процессуальной науке сложилось традиционное представление, что значение следственных действий состоит в том, что они являются основным способом собирания доказательств – основным способом установления истины по уголовному делу¹.

Признавая, что по существу доказывание может осуществляться исключительно с помощью следственных действий, некоторые авторы замечают, что в УПК РФ допущена «терминологическая неточность»: в ч. 1 ст. 86 УПК РФ сказано, что собирание доказательств осуществляется путем производства не только следственных, но и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, что влечёт за собой размывание грани между процессуальной и непроцессуальной деятельностью². По мнению Л.В. Головки, если сбор доказательств и может осуществляться, то исключительно с помощью следственных действий. Позволим себе не согласиться с данной позицией, поскольку, как представляется, с помощью такого процессуального действия, – не следственного – как запрос следователя (ч. 4 ст. 21 УПК РФ) можно получить характеристику обвиняемого с места работы, которая впоследствии может быть приобщена к материалам уголовного дела в качестве доказательства. Из этого можно сделать вывод, что в ч. 1 ст. 86 УПК РФ законодателем верно указано, что собирание доказательств осуществляется как с помощью следственных, так и иных процессуальных действий.

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учебник / Москва : Норма : ИНФРА-М. 2026. С. 474.

² Головка Л. В. Курс уголовного процесса под ред. Москва : Статут. 2025. С. 542.

Еще одну «терминологическую неточность», по нашему мнению, можно проследить в ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ. В указанной норме в качестве следственных действий названы реализация, утилизация и уничтожение определенных вещественных доказательств. Важно отметить, что часть 3.1 расположена в статье 165 УПК РФ «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия». На наш взгляд, такое приравнивание приводит к размыванию разницы между следственными и иными процессуальными действиями. Полагаем, что было бы лучше, если бы законодатель не относил реализацию, утилизацию и уничтожение определенных вещественных доказательств к следственным действиям, а расположил бы указанные действия в отдельной статье под другим названием во избежание путаницы в правоприменительной практике.

Отдельного внимания заслуживает проблема определения круга лиц, которые не могут привлекаться к участию в следственных действиях в качестве понятых в соответствии со ст. 60 УПК РФ.

Напомним, под понятым понимается не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия (ч. 1 ст. 60 УПК РФ). В развитие принципа независимости и беспристрастности понятого законодатель в ч. 2 ст. 60 УПК РФ формулирует перечень лиц, которые не могут быть понятыми, – к ним относятся: 1) несовершеннолетние (п. 1), 2) участники уголовного судопроизводства, их близкие и родственники (п. 2) и 3) работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования (п. 3).

Здесь хотим обратить внимание на третью категорию лиц – работников органов исполнительной власти, наделенных в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

Первое, что нужно отметить, – то, что буквальное толкование указанной нормы предполагает распространение такого запрета только на работников органов исполнительной власти. Отсюда возникает весьма логичный вопрос, могут ли в качестве понятых выступать сотрудники органов Следственного комитета РФ, которые формально не относятся ни к одной из ветвей власти? Кажется очевидным, что нет, ведь это противоречило бы принципу беспристрастности и независимости понятых, однако из-за слишком «узкой» формулировки данная норма указанный случай не охватывает.

Ни в одну из ветвей власти не входит также Прокуратура РФ. Может ли выступать в качестве понятого прокурор, не являющийся участником данного уголовного процесса, например, прокурор из другого отдела или из другого города, которого коллега попросил выступить в качестве понятого? Ответ, безусловно, очевиден – конечно, такая ситуация подорвет принцип независимости и беспристрастности, что, как нам кажется, лишь подтверждает тот факт, что законодатель сформулировал запрет слишком узко.

Обратимся к зарубежному опыту. Согласно § 105 (абз. 2) Положения об уголовном процессе Германии (нем. Strafprozessordnung, сокр. StPO), в качестве понятых не могут выступать сотрудники полиции и следователи прокуратуры. Называя сотрудников полиции в качестве органов исполнительной власти, которые не могут быть понятыми, немецкий законодатель распространяет указанное ограничение и на сотрудников прокуратуры. В отличие от Положения об уголовном процессе Германии, российский УПК РФ прямой запрет на то, чтобы выступать понятым по делу, для любых сотрудников прокуратуры в норме не устанавливает, на что, как нам кажется, законодателю следует обратить внимание.

Таким образом, законодатель, закрепив, что понятыми не могут быть лишь работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования (п. 3 ч. 2 ст. 60 УПК РФ), слишком сузил запрет, в связи с чем норму следует сформулировать шире и

предусмотреть, как минимум, что сотрудники прокуратуры также не могут быть понятыми.

Третья проблема, которая, как нам кажется, обращает на себя внимание, — это закрепление в ч. 1 ст. 7 УПК РФ безусловного приоритета норм уголовно-процессуального законодательства.

В Определении от 08.11.2005 № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородин, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Конституционный Суд РФ обозначил случаи, когда приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами не является безусловным. По мнению КС РФ, к такому ограничению приоритета УПК РФ относятся следующие ситуации:

- 1) установленная Конституцией РФ иерархия федеральных конституционных законов и обычных [в терминологии КС РФ] федеральных законов;
- 2) правила о том, что в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений.

Кроме того, КС РФ отметил также, что о безусловном приоритете норм уголовно-процессуального законодательства не может идти речь и в случаях, когда в иных (помимо Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства) законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом.

Важно упомянуть, по какому поводу в КС РФ поступило обращение. В силу п. 3 ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обыск в служебном помещении, используемом для адвокатской деятельности, мог быть произведен только на основании судебного решения. УПК РФ же особого порядка производства обыска в отношении адвокатов на тот момент не устанавливал, в связи с чем орган предварительного расследования произвел

обыск без предварительного судебного решения, сославшись на ч. 1 ст. 7 УПК РФ, провозглашающей безусловный приоритет норм УПК РФ над всеми другими федеральными законами.

Таким образом, обеспечив защиту прав адвокатов, КС РФ ориентировал законодателя на внесение соответствующих изменений в УПК РФ, в результате чего в 2017 году уголовно-процессуальный закон был дополнен ст. 450.1 «Особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката», но норма ч. 1 ст. 7 УПК РФ осталась неизменной. На наш взгляд, с позиции системного подхода построения отраслевого законодательства ч. 1 ст. 7 УПК РФ также должна быть переформулирована следующим образом: «Суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу, *за исключением случаев, когда в иных (помимо Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства) законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом*». (курсив мой. – К. Б).

Подводя итог, сформулируем основные выводы:

1. Законодательное определение следственных действий требует уточнения для их четкого отграничения от иных процессуальных действий. Сложившаяся практика приравнивания некоторых процессуальных действий (реализация, утилизация вещественных доказательств) к следственным размывает границы между ними и вносит путаницу в правоприменительную деятельность.

2. Существующий перечень лиц, которые не могут быть понятыми, в соответствии со ст. 60 УПК РФ, как представляется, сформулирован слишком узко и требует расширения. Зарубежный опыт в данном вопросе демонстрирует более строгий и четкий подход к определению круга лиц, не допускаемых к участию в качестве понятых.

3. Установленный в УПК РФ безусловный приоритет норм уголовно-процессуального закона не всегда является абсолютным, что подтверждается

практикой Конституционного Суда. В этой связи полагаем законодательно необходимо привести положения УПК РФ в соответствие с правовыми позициями КС РФ, исключив декларацию о безусловном приоритете исключительно норм уголовно-процессуального закона. В связи с этим представляется целесообразным внесение соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство для устранения выявленных терминологических и системных противоречий.

Список источников

1. Головки Л. В. Курс уголовного процесса под ред. Москва : Статут. 2025. С. 1041 с.
2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учебник / Москва : Норма : ИНФРА-М. 2026. 840 с.

Информация об авторах

К.А. БАЛАНДИНА – студентка 3 курса.

Information about authors

K.A. BALANDINA – 3rd year student.